

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА,
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

ЭКОномика и организация
промышленного производства

6 (504) 2016

Главный редактор **КРЮКОВ В.А.**, член-корреспондент РАН, профессор,
заместитель директора Института экономики
и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

АГАНБЕГЯН А.Г., зав. кафедрой Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, академик РАН
БОЛДЫРЕВА Т.Р., зам. главного редактора
БУХАРОВА Е.Б., директор Института экономики, управления и природопользования Сибирского федерального университета, к.э.н.
ВОРОНОВ Ю.П., вице-президент Новосибирской торгово-промышленной палаты, к.э.н.
ГЛАЗЫРИНА И.П., зав. лабораторией эколого-экономических исследований
Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, д.э.н., профессор
ГРИГОРЬЕВ Л.М., глава департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики», к.э.н., профессор
ЗОРКАЛЬЦЕВ В.И., зав. лабораторией Института систем энергетики СО РАН, д.т.н., к.э.н., профессор
КОЛМОГОРОВ В.В., к.э.н., председатель совета директоров ЗАО «Распределенная энергетика»
КУЛЕШОВ В.В., координатор, директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, академик РАН
МИРОНОСЕЦКИЙ С.Н., член совета директоров ООО «Сибирская генерирующая компания»
НИКОНОВ В.А., генеральный директор ОАО «Агентство инвестиционного развития Новосибирской области»
ПСАРЕВ В.И., зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», к.э.н., д.т.н.
СУСЛОВ Н.И., зав. отделом Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, д.э.н., профессор
УСС А.В., президент Сибирского федерального университета, председатель Законодательного собрания Красноярского края, д.ю.н.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАРАНОВ А.О., зав. кафедрой Новосибирского госуниверситета, д.э.н., професор; КАЗАКОВАН А., директор по региональному развитию ООО «Лоялти Партнерс Восток»; КЛИСТОРИН В.И., Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, в.н.с., д.э.н.; ЛАПACHEВ В.В., ЗАО «НОВИЦ», д.х.н.; МЕЛЬНИКОВА Л.В., Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, с.н.с., к.э.н.; МУСИЕНКО И.В., директор консультационной фирмы «СтратЭкон Консалтинг», к.э.н.; НОВИКОВ А.В., и.о. ректора Новосибирского государственного университета экономики и управления, д.э.н.; САМСОНОВ Н.Ю., Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, к.э.н.; ФОМИН Д.А., Новосибирский государственный технический университет, с.н.с., к.э.н.

УЧРЕДИТЕЛИ:

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН,
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН, РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 2 Молоко – «распаковать»...
«упаковать»

Тема номера: КАК «УПАКОВАТЬ» БУРЕНКУ...

- 5 БАРСУКОВА С.Ю.
Молочные реки России
- 18 ВЕСЕЛОВА Э.Ш.
Молоко не в достатке –
и мы не в порядке
- 29 ГНИЛОВ А.А.,
КАЛЬСИН С.Л.
Оптимистичный взгляд со стороны.
Представители смежной отрасли
картонной упаковки – о развитии
молочного рынка
- 36 НИКОЛАЕВ А.А.
Как Сибирь в начале XX в. оказалась
в центре мировой торговли маслом

35 «ЭКО»-информ

ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМУ

- 50 БАЛАБИН А.А.
Плоды количественного смягчения
- 68 ДОБРЕЦОВ Н.Л.
Финансовые дисбалансы и кризисы
в мире и в России
- 75 КРЮКОВ В.А.
К открытию рубрики
«ЭКО» «Финансы и реальный сектор»

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- 78 КАЛУГИНА З.И.
Сельское предпринимательство
в современной России: мимикрия
старых и становление новых форм

РЕГИОН

- 99 ТОРОПУШИНА Е.Е.
Оценка уровня развития социальной
инфраструктуры в регионах Севера
и Арктики России

- 109 СЫРЦОВА Е.А.,
ПЫЖЕВ А.И.,
ЗАНДЕР Е.В.
Истинные сбережения
регионов Сибири: новые оценки,
старые проблемы

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

- 130 ДОНОВА И.В.
Вузовские реформы и профессиона-
лизм: новые стимулы и угрозы

ИННОВАЦИИ

- 143 КОЗЛОВСКАЯ О.В.,
АКЕРМАН Е.Н.,
БУРЕЦ Ю.С.
Малые инновационные предприятия
при научных и образовательных
учреждениях в регионах АИРР:
социологическое исследование
и направления совершенствования
законодательства

ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЯ

- 155 ЗАБОРЦЕВА Т.И.
Что делать с отходами:
нормативно-законодательные
решения и региональная практика

ОТРАСЛЬ

- 168 РОЗАНОВА Н.М.,
ЮШИН А.В.
Конкуренция
в телевизионной отрасли:
мировой опыт и российские реалии

СТРАНИЦЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

- 182 ШЛЕВКОВА Т.В.
Роль отраслевых съездов
предпринимателей в промышленном
развитии дореволюционной России
(на примере 1 съезда
солепромышленников)

- 190 SUMMARY

Молоко – «распаковать»... «упаковать»

Россия ищет пути выхода из той сложной ситуации, в которой оказались ее экономика и финансовая сфера, «привыкшие» к высоким ценам на сырье. Есть очень много измерений кризиса – от спада темпов экономического роста до динамики доходов и расходов населения.

Одной из причин радикальных экономических преобразований, думается, стали не столько макроэкономические проблемы развития страны, сколько хроническая усталость населения от нарастающего дефицита всего и вся (от продуктов питания и до вещей и товаров, формирующих современные представления о хоть как-то устроенной жизни – создания тех возможностей, которые необходимы для воспитания и развития подрастающего поколения). Но даже в эти «усталые» и «штормовые» годы потребление столь значимых продуктов питания, как молоко, находилось на недостижимой ныне высоте (см. статью С. Ю. Барсуковой).

Сводки и данные мониторинга социально-экономического положения в стране становятся все тревожнее. Например, в Новосибирской области расходы населения на продукты питания вновь перевалили за 50%-й рубеж (одна из нелишенных сарказма классификаций стран мира делит их на три категории: в первой – население большие «средства тратит на борьбу с лишним весом»; во второй – население «живет, чтобы есть»; в третьей – «не знает, когда в следующий раз поест досыта»).

Вполне естественно предположить, что в такой ситуации, а также в условиях экономических санкций, растет доля отечественного продовольствия и при этом происходит перемещение от более дорогих продуктов питания (рыба и мясо), – к хлебу, картофелю и овощам, а также молоку и молочным продуктам.

Увы, здравый смысл нас подведет при следовании подобным выводам, основанным на общих представлениях о бюджетной и хоть как-то сбалансированной корзине питания. Доля овощей в корзине почти не видна, а молоко и молочные продукты становятся доступны лишь людям с более высокими доходами. При этом «топтанье» на месте с обеспеченностью молоком и молочными продуктами поддерживается отнюдь не новизной применяемых подходов и стремительным развитием предложения со стороны отечественных производителей, а в значительной мере за счет роста контрафактной низкокачественной продукции (статья Э. Ш. Веселовой).

Молоко стало «лакмусовой бумажкой» результатов реформирования аграрного сектора России за последние 30 лет. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. основное направление преобразований виделось в развитии многоукладных форм хозяйствования на селе – сочетании индустриальных с разнообразными формами

кооперирования сельхозпроизводителей, а также активной ролью личного подсобного хозяйства в решении проблем продовольственного обеспечения населения страны.

Увы, «... вместо неэффективного государственного сектора экономики после реформирования ... получили неэффективный частный сектор... В результате проведенных преобразований резко увеличилось как число убыточных хозяйств, так и их удельный вес... парадокс проводимых реформ заключается в том, что они не только не содействуют формированию рыночного сознания и поведения работников в сфере экономики, но практически разрушают трудовую мотивацию»¹.

Процесс «реформирования» аграрного сектора, пущенный «на самотек», привел к замене всеислия советских колхозов и совхозов сверхвсесилием агрохолдингов (два из которых контролируют почти 50% рынка молока и молочной продукции России).

Весь аграрный сектор (употребляя современную терминологию) оказался «упакованным» так основательно и так жестко, что в нем не нашлось места... ни фермерам, ни кооперативам с их участием.

В то же время те немногие аграрные товарищества, которым удалось «выстоять», отнюдь не стали иждивенцами государства (в отличие от агрохолдингов). Специалистами сибирской экономико-социологической школы на огромном фактическом материале доказано, что «сельскохозяйственные производственные кооперативы совершили шаг в рыночные условия так же успешно, как и предприятия других правовых форм»².

Среди основных причин пренебрежения национальными традициями и историческим опытом ведения сельскохозяйственного производства – нежелание новой генерации административно-управленческого аппарата (почти на всех уровнях) вникать в детали и особенности хозяйственной деятельности как в разных секторах экономики, так и в географических и климатических условиях огромной страны, а также примитивное понимание роли и места современной науки и современных знаний (применимых и на ферме, и в крупном агрохолдинге).

Опыт проведения Столыпинской аграрной реформы на рубеже XIX–XX веков – забыт и не был никак востребован (кроме, пожалуй, как с целью возвращения в «пантеон» исторических личностей России ее основного организатора).

Остался без внимания и факт грамотной и системной правительственной политики в рассматриваемой области в тот период, которая носила «отчетливо протекционистский характер по отношению к отечественным маслоделам» (статья А. А. Николаева).

Предметность и понимание особенностей аграрного сектора – основа успеха.

---

¹ Калугина З. И. Рыночная трансформация аграрного сектора России. Социологический дискурс. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 342 с. [С. 26, 27].

² Калугина З. И. Указ. соч. – С. 127.

«Что мы посеяли в 90-м, то продолжаем жать по сей день... У Столыпина... реформа пошла потому, что все было продумано по-хозяйски, все работало на большую идею. Крестьянин получал не только надел и лесоматериалы для установки дома, а также подсобных построек, но и денежный кредит с семенным фондом, сельхозинвентарь... Особую роль в реформе играл Крестьянский государственный банк. Он был для фермеров заботливым, как мать, и строгим, как отец: давал дешевые кредиты под залог участков и забирал землю в банковский фонд, если она пустовала, скупал ее у нерадивых, продавал в рассрочку работающим хозяевам. Жесткий контроль за расходованием денег по назначению позволял добиваться поставленных целей»³.

Изменение ситуации с молоком и молочными продуктами невозможно без развития и поощрения многоукладности в аграрном секторе. Для этого необходим не только такой же земельный банк, выстраивающий подход к работе с различными по форме собственности хозяйствами, но и поддержка производителей сельхозпродукции в продвижении на реальные рынки (а не в сети перекупщиков). Для того, чтобы двигаться в этом направлении, им необходим доступ к мощностям по первичной переработке, упаковке и доставке продукции на рынок.

Опыт сбытовой кооперации, например в Дании, говорит о том, что у кооперации огромные возможности. Подспорьем и важной составляющей движения в этом направлении могут служить и стартапы, такие как «Упаковка как бизнес» (см. интервью А.А. Гнилова и С.Л. Кальсина).

Развитие и реализация потенциала фермеров и кооперационных форм взаимодействия индивидуальных производителей молока и молочной продукции немислимы без применения современных знаний и технологий.

Однако прежде чем начать двигаться по этому пути, надо «распаковать» и сознание тех, кто отвечает за аграрную политику в органах власти самого различного уровня, а также забытые и не востребуемые знания в области кооперации. Только после этого (а лучше – наряду с этим) можно и целесообразно перейти к более логичной и целесообразной конфигурации («упаковке») аграрного сектора, в котором достойное место занимают малые, гибкие и эффективные формы ведения хозяйства.

Кризис – время перемен и пересмотра приоритетов. Меры преодоления нарастающих проблем только по начертаниям сверху – не подлежат никакой «упаковке».

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

³ Полторанин М. Н. Власть в тротиловом эквиваленте. – М.: Алгоритм, 2015. – 448 с. [С. 130].

Молочные реки России*

С.Ю. БАРСУКОВА, доктор социологических наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва. E-mail: svbars@mail.ru

Молочный рынок России переживает не лучшие времена: девальвация национальной валюты, падение доходов населения, трудность доступа к кредитным ресурсам создают проблемы для развития отрасли. Вместе с тем продовольственное эмбарго устанавливает режим протекционистской защиты этого рынка, снижая конкуренцию со стороны импортных молочных продуктов из ряда «подсанкционных» стран. Как реагирует молочный рынок на эти процессы? Какова ситуация на рынке молочного животноводства? Как реализуется курс на импортозамещение на молочном рынке России?

Ключевые слова: производство молока, потребление молока,
молочное животноводство, продуктивность молочного стада, импортозамещение

Сколько производится молока в России? Кем и где?

В России производится чуть более 30 млн т молока, что означает почетное шестое место в мире. Но это валовый показатель, внушительность которого обусловлена размером страны. На душу же населения в России производилось в 2014 г. молока в 3,5 раза меньше, чем в Республике Беларусь (211 кг и 708 кг соответственно), и примерно в полтора-два раза меньше, чем в Германии и Франции. Ближе всего к нам по душевому производству молока стоят Армения и Великобритания. Существенно меньше на душу населения производят молока в Китае, Японии, Индии и Таджикистане.

Но любопытный факт: лишь немногим более половины российского молока носит товарный характер (60% в 2010 г. и 64% в 2014 г.), то есть поступает на переработку и дальше – на прилавки. Это то молоко, которое преимущественно производят сельскохозяйственные организации, чья товарность составляет 94%. Поэтому при общем показателе производства молока в 2014 г. на уровне 30,8 млн т, объем реализации этого продукта составил только 19,7 млн т. Остальное молоко – произведенное в основном в личных подсобных хозяйствах населения (ЛПХ) – существует,

---

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

скорее, как статистический артефакт. Никто не знает, куда оно уходит, и было ли оно на самом деле. Объяснение «Сами произвели и сами выпили» (споили телятам, разлили и пр.) заставляет вспомнить вопрос из рекламного ролика: «А ты не лопнешь, деточка?». Почти половина российского молока не появляется на прилавках, но поддерживает статистику на плаву.

Кто же производит молоко? *Главными производителями молока примерно в равных долях являются сельскохозяйственные организации и ЛПХ.* Вклад фермеров в молочный рынок, несмотря на положительную динамику, несопоставим. Так, в 2014 г. из 30,79 млн т российского молока сельхозорганизации произвели 14,36 млн т, ЛПХ – 14,51, фермеры – 1,92 млн т (табл. 1). В динамике можно констатировать рост доли фермеров (включая индивидуальных предпринимателей), достигшей примерно 6%. Но в целом производство молока в РФ остается уделом сельхозорганизаций и ЛПХ: в 2014 г. их вклад в молочные реки России составил 46,7% и 47,1% соответственно (табл. 2).

Таблица 1. Динамика производства молока в Российской Федерации по категориям хозяйств в 1990–2014 гг., млн т

Организации	1990	1995	2000	2005	2010	2014
Хозяйства всех категорий	55,72	39,24	32,26	31,07	31,85	30,79
Сельскохозяйственные	42,45	22,41	15,27	14,00	14,31	14,36
Хозяйства населения	13,26	16,25	16,42	16,09	16,05	14,51
Крестьянские (фермерские) и индивидуальные предприниматели	-	0,58	0,57	0,98	1,48	1,92

Таблица 2. Производство молока в Российской Федерации по категориям хозяйств в 1990–2014 гг., %

Организации	1990	1995	2000	2005	2010	2014
Сельскохозяйственные	76,2	57,1	47,3	45,1	44,9	46,7
Хозяйства населения	23,8	41,4	50,9	51,8	50,4	47,1
Крестьянские (фермерские) и индивидуальные предприниматели	-	1,5	1,8	3,1	4,7	6,2

Такое положение дел резко контрастирует с опытом ведущих аграрных держав. Несмотря на усиление специализации и рост размера среднего земельного надела, что является общим трендом развития мирового аграрного производства, семейное фермерское хозяйство было и остается основой сельского хозяйства США и стран Европейского союза.

Аграрная реформа в России началась со слов о том, что на смену советским колхозам и совхозам должны прийти семейные фермерские хозяйства, работающие «на себя» и на своей земле. Однако результат оказался иным: производство сконцентрировалось в рамках сельскохозяйственных организаций, что сделало наемный труд основой аграрного производства. При этом каждое пятое крупное и среднее сельскохозяйственное предприятие, согласно переписи 2006 г., входит в агрохолдинги, установившие контроль над миллионами гектаров и тысячами деревень. Вместо советских колхозов и совхозов получились крупные и сверхкрупные агрохолдинги с колоссальной бюрократией и мощным лоббистским напором. Прежнее плановое госфинансирование и регулярное списывание убытков сменились разнообразными формами государственных дотаций и субсидий, доступ к которым тем вероятнее, чем крупнее предприятие. Получилась своеобразная реинкарнация совхозов, но в рыночном варианте.

Но даже при значительной административной и финансовой поддержке агрохолдинги, за редким исключением, не занимаются молочным животноводством. Среди 20 крупнейших агрохолдингов России по выручке за 2014 г. верхние строчки рейтинга занимают производители свинины и птицы, а также занятые в растениеводстве («Мираторг», «Черкизово», «Эфко», «Русагро» и пр.). В «Топ-20» попал только один агрохолдинг с молочной специализацией – «Эконива».

Фермеры оказались на обочине экономических процессов. А те из них, кто пытается что-то сделать, предпочитают заниматься растениеводством, – лишь четверть фермерской продукции связана с животноводством. В результате в российские молочные реки впадают два рукава – продукция сельскохозяйственных организаций и ЛПХ. И тоненький ручеек фермерства. Правда, надо учитывать, что Росстат определяет объем молочного производства в подсобных хозяйствах населения, исходя из данных сельскохозяйственной переписи 2006 г. А это само по себе задает пределы доверия к этим цифрам. Очередная сельскохозяйственная перепись пройдет в 2016 г., и, видимо, обновленные данные по ЛПХ сделают нашу аграрную статистику значительно тревожнее.

Но даже принимая за полную и безусловную правду данные Росстата, надо признать, что за **2009–2014 гг. производство молока в России сокращалось ежегодно примерно на 1%**. Продовольственное эмбарго, введенное в августе 2014 г., не переломило этот тренд, хотя и снизило крен падения. Так, в январе-сентябре 2015 г. по отношению к аналогичному периоду 2014 г. спад производства молока составил 0,3%. Так что молочные реки отнюдь не выходят из берегов.

В каких регионах производится российское молоко? Молочной «житницей» России являются шесть субъектов РФ, в каждом из которых в год производится свыше 1 млн т молока. Это Краснодарский край, Ростовская и Саратовская области, республики Татарстан и Башкортостан, Алтайский край. Практически не производится молоко (менее 100 тыс. т в год) на севере и северо-западе России (Карелия, Мурманская область, Республика Коми, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа), на юге Сибири (Тыва и Республика Алтай) и на Дальнем Востоке (Чукотка, Камчатка, Магаданская и Сахалинская области, Хабаровский край).

Но людей больше интересует не то, сколько производится, а достаточно ли потребляется. Примем за «рекомендуемую норму» 320–340 кг молока и молокопродуктов в год на человека, что соответствует Приказу Министерства здравоохранения и социального развития от 2 августа 2010 г. (№ 593н). Ситуация нерадостная: в постсоветской России потребление молока хронически отстает от «нормы». Больше нормы россияне потребляли молока и молочных продуктов в 1990–1991 гг. (387 и 347 кг в год на душу населения). Потом произошло быстрое обрушение рынка, и в новейшей истории России не было ни одного года, когда бы вышли на сопоставимые показатели.

Сорвавшись с советских высот, потребление молока и молочных продуктов «средним россиянином» сократилось с 1990 г. по 2014 г. на 37% и «топчется» в последние годы на уровне 240–250 кг в год. Это при расчете по балансам продовольственных ресурсов, что включает потребление в тюрьмах, колониях, больницах, интернатах и т. д. Очевидно, что там не балуют. Поэтому имеет смысл взять показатель среднедушевого потребления молока и молочных продуктов, рассчитанный по обследованиям бюджетов домохозяйств. В этом случае показатель среднеду-

шевого потребления возрастает, но несущественно, составив в 2013 г. 270 кг.

Особо отметим, что потребление молока и молочных продуктов в сельской местности на 10% ниже, чем в городе. Таким образом, уровень достижения рациональных норм по молоку и молочным продуктам составлял в России в 2013 г. 75% – по данным балансов и 82% – по данным бюджетных обследований домохозяйств. Примерно так же обстоят дела по овощам, фруктам и ягодам, но с той существенной разницей, что потребление овощей в последние годы быстро растет, чего нельзя сказать о молоке и молочных продуктах [1].

Кстати, в этих цифрах есть намек на лукавность официальной статистики: если половина молока производится в ЛПХ и там же остается ввиду их низкой товарности, то почему, согласно обследованиям бюджетов сельских домохозяйств, сельские потребляют молока меньше горожан? Смутные догадки о фиктивности производства молока в ЛПХ получают дополнительную опору.

Впрочем, если отвлечься от некоей «нормы» в понимании Минздрава, то ситуация вполне пристойная: потребление на душу населения молока и молочных продуктов, включая масло животное (в пересчете на молоко), ставит Россию в ряд с такими странами, как США, Франция, Великобритания, Австрия, Германия. Существенно больше потребляют молока и молочных продуктов на душу населения в Нидерландах (349 кг) и Финляндии (460 кг), а гораздо меньше – в Японии (89 кг), Чехии (178 кг), Венгрии (189 кг) и в бывших республиках СССР – Таджикистане (130 кг), Молдове (166 кг), Туркмении (178 кг) и Узбекистане (160 кг).

Но говоря о потреблении «среднего» россиянина, следует учесть, что такового нет. Все проще и циничнее: молочные продукты доступны обеспеченным гражданам, а низкодоходные группы испытывают его недостаток, компенсируя повышенным потреблением картофеля и хлебобулочных изделий, достигающим в среднестатистическом рационе россиян 118% и 114% от нормы соответственно. Этот разрыв усугубляется ростом цен на молочные продукты (в 2015 г. – на 13,7%). Вопрос времени, когда это скажется на здоровье нации.

При этом есть регионы РФ, где в среднем на человека приходится заветные 320 кг, а где-то – менее 200 кг. При этом география производства молока и его потребления не совпадают. Больше

всего (свыше 320 кг молока и молокопродуктов на душу населения) потребляют в Алтайском крае, Карачаево-Черкесии и Таргостане. Совсем мало, менее 200 кг на человека, – в Республике Тыва, на Дальнем Востоке (Амурская, Еврейская, Сахалинская области, Приморский и Камчатский края, Чукотка), в Уральском ФО (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Тюменская и Челябинская области), на Северо-Западе (Архангельская область) и в Центральном ФО (Тамбовская и Тульская области), а также в Крымском ФО. То есть льют молоко в бидоны в одном месте, а пьют – в другом, что связано с традициями питания и региональной дифференциацией платежеспособного спроса.

Поголовье и продуктивность стада: разнонаправленная динамика

Производство молока – показатель, производный от поголовья и продуктивности. Возможны как синхронное падение (или рост) этих показателей, так и их различная динамика. Как с этим обстоят дела в России? **Продуктивность молочного стада в России в целом растет** (табл. 3). Так, с 2009 г. по 2014 г. средние надои на одну корову в хозяйствах всех категорий увеличились с 3,7 до 4,0 т (на 8%) в год. **Локомотивом этого роста были сельхозорганизации**, где рост продуктивности молочного стада составил за эти пять лет 18%. **В результате увеличения продуктивности производство молока в корпоративном секторе растет, несмотря на снижение поголовья.** У фермеров средние надои на корову поднялись на 6%. Продуктивность молочного стада в хозяйствах населения не изменилась. Одна «средняя корова» в 2014 г. давала в ЛПХ и в фермерском хозяйстве примерно 3,5 т молока в год, а в сельскохозяйственных организациях – 4,8 т.

Таблица 3. Надои молока в год на 1 корову по категориям хозяйств в 1990–2014 гг., кг

Организации	1990	1995	2000	2005	2010	2014
Хозяйства всех категорий	2731	2153	2502	3176	3776	4021
Сельскохозяйственные	2783	2016	2341	3280	4189	4841
Хозяйства населения	2576	2388	2687	3130	3510	3501
Крестьянские (фермерские) и индивидуальные предприниматели	4448	1989	2253	2607	3291	3450

Много это или мало? Для сравнения напомним, что в 1991 г. средние надои в Восточной Германии (бывшей ГДР) составляли

4,5 т, а в 2012 г. – уже 9 тыс. л молока на «среднюю» корову. То есть по показателю продуктивности молочного стада современная Россия находится на уровне бывшей ГДР на момент ее объединения с ФРГ. Конечно, и у нас есть отдельные, наиболее технически оснащенные предприятия, где надои с одной коровы достигают 10 т в год. И эти предприятия служат маяком для аграрной политики, которая однозначно разворачивается в сторону крупного индустриального производства. Без сантиментов, со ссылками на надвигающийся кризис и необходимость импортозамещения, **аграрная политика отказывается от курса на многоукладность сельского хозяйства, поворачиваясь спиной к фермерам и ЛПХ.**

Так, одним из направлений национального приоритетного проекта «Развитие АПК» (2006–2007 гг.) была поддержка личных подсобных хозяйств населения и фермерства. Теперь же позиция Минсельхоза изменилась: **поддержку получают только индустриально организованные аграрные производства, что означает отказ от помощи ЛПХ.** Проблема состоит в том, что под «индустриальными» чиновник подразумевает «крупные» хозяйства. В аграрной политике эти слова стали синонимами.

Да, фермерские хозяйства существенно отстают по надоям от показателей крупных агрохолдингов, но если бы на создание и модернизацию семейных молочных ферм были потрачены средства, сопоставимые с теми, что получили агрохолдинги, то сравнение с высокой вероятностью было бы не в пользу крупных производств. Однако проверить это уже невозможно, – подавляющая часть государственной помощи ушла в одни ворота. И эти ворота остаются широко распахнутыми. Например, О. Фадеева провела анализ деятельности новосибирской компании крупнейшего российско-немецкого холдинга по производству сырого молока. Согласно ее расчетам, в 2013 г. (спустя пять лет с начала своей деятельности) эта компания получила 178,7 млн руб. государственной поддержки, что в 8,8 раза превысило ее прибыль [2].

Почему же тогда нет роста производства молока? Потому что незначительное увеличение продуктивности накладывается на существенное сокращение поголовья: современная Россия имеет стадо коров, составляющее менее 40% от того, что было в 1990 г. (табл. 4). Впрочем, сравнение с тем временем не вполне корректно. В советский период делали ставку на развитие так

называемых мясо-молочных пород, тогда как весь мир пошел по пути разделения молочного и мясного бизнеса. Потребовались годы для структурной перестройки этой отрасли. Но и в последние пять лет поголовье коров ежегодно продолжает сокращаться в среднем на 1%.

Таблица 4. Поголовье коров в России по категориям хозяйств в 1990–2014 гг., млн голов

Организации	1990	1995	2000	2005	2010	2014
Хозяйства всех категорий	20,557	17,436	12,743	9,522	8,844	8,531
Сельскохозяйственные	15,322	10,455	6,487	4,282	3,713	3,440
Хозяйства населения	5,235	6,705	5,940	4,827	4,412	4,005
Крестьянские (фермерские) и индивидуальные предприниматели	-	0,276	0,259	0,413	0,719	1,086

При этом, согласно статистике, совокупное стадо в крестьянских (фермерских) хозяйствах даже немного подросло, но на фоне заметного снижения поголовья в сельхозорганизациях и хозяйствах населения, на которые приходится соответственно 40% и 47% российского стада коров (табл. 5). Заметим, что эти цифры включают также коров мясного направления. Реальное молочное стадо в сельскохозяйственных организациях насчитывает не более 2,5 млн голов. Касательно того статистического факта, будто бы каждая вторая корова содержится в ЛПХ, напомним, что это восходит к данным сельскохозяйственной переписи десятилетней давности. Можно предположить, что предстоящая в 2016 г. перепись сильно скорректирует эту картину.

Таблица 5. Поголовье коров в России по категориям хозяйств в 1990–2014 гг., %

Организации	1990	1995	2000	2005	2010	2014
Сельскохозяйственные	74,5	60	50,9	45,0	42,0	40,3
Хозяйства населения	25,5	38,4	47,1	50,7	49,9	47,0
Крестьянские (фермерские) и индивидуальные предприниматели	-	1,6	2,0	4,3	8,1	12,7

К слову, современная Восточная Германия тоже имеет сокращение поголовья в два раза по сравнению с ГДР в 1990 г. Однако там общее производство молока сохранилось ввиду двукратного

роста продуктивности молочного стада. У нас же сокращение поголовья обогнало рост надоев с одной коровы, что выразилось в отрицательной динамике производства молока.

О сокращении поголовья свидетельствует и ежегодное снижение количества доильных установок и агрегатов в сельском хозяйстве страны: в 1990 г. их было 242 тыс., в 2000 г. – 88,7 тыс., в 2014 г. – 26,3 тыс. (правда, очевидно, что снижение количества сопровождается значительным ростом производительности новой техники).

Тут не обойтись без небольшого отступления. Прошли те времена, когда аграрная сфера была синонимом отсталости и изолированности от научного прогресса. Пожалуй, самая большая проблема России – трагическое запаздывание в понимании того, что мир изменился, что именно агробизнес стал наиболее наукоемким сегментом производства. То, что происходит в современном сельском хозяйстве, по степени новизны можно сравнить лишь с прорывом человека в космос. И современная корова – это не Зорька из наших детских воспоминаний о каникулах в деревне. Это стоящая на четырех ногах мини-фабрика по производству молока или мяса. А чтобы «фабрика» работала, нужно полное технологическое соответствие ее обслуживания «проектной документации»: витамины по графику, корма по нормам и пр. И стоят эти современные Зорьки, закупаемые, кстати, преимущественно за рубежом по причине недальновидного сворачивания отечественной селекции и генетики, как детали космического корабля, что сближает сельское хозяйство и космос уже не в поэтическом, а в прозаическом смысле.

Техника для современной фермы, кормовые добавки, ветеринарные препараты при обвале российской валюты тоже достигли космических цен. Поэтому шансы на современное молочное животноводство прямо связаны с помощью государства. Похоже, достанется эта помощь только крупным и крупнейшим игрокам молочного рынка.

Импортозамещение: красивый лозунг и скромные результаты

Недостаток производства компенсируется импортом. Много ли молока и молочных продуктов мы завозим? В 2000-е годы

импорт молока и молокопродуктов (в пересчете на молоко) составлял примерно 7–9 млн т с дифференциацией по годам: минимум пришелся на 2009 г. (7 млн т), а максимум – на 2013 г. (9,5 млн т) (табл. 6). Если считать, что Россия производит около 30 млн т молока, то получается, что примерно три четверти – собственное производство, а четверть – импорт. Если же соотнести импорт с товарным молоком, то оказывается, что пропорции иные: более трети молока и молочных продуктов в 2014 г. приходилось на импорт, а по отдельным позициям, например, по сырам, импорт составлял почти половину.

Таблица 6. Производство, импорт, экспорт молока и молочных продуктов в РФ в 1995–2015 гг., тыс. т

Показатель	1995	2000	2005	2010	2014	Январь–сентябрь 2015
Производство	39241	32259	30826	31847	30791	24174
Импорт	6317	4718	7115	8159	9155	4681
Экспорт	396	507	493	460	629	449

И тут наступил август 2014 г., когда правительство в ответ на антиросийские санкции запретило импорт ряда продовольственных товаров из «недружественных» стран, в том числе и молочных продуктов. В этой ситуации возможны два сценария: импортозамещение продовольствием собственного производства и смена географии импорта.

Что касается переориентации на импорт из стран, с которыми мы не успели посориться, то здесь ожидания не слишком оптимистичные. Раздувая тему геополитического противостояния, отечественные СМИ прочно связывают сокращение импорта с «ответными мерами» российского правительства на антиросийские санкции. Однако это полуправда. Уменьшение импорта из стран ЕС на 45,4% (за январь–апрель 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года) можно гипотетически «писать» на санкции. Но как быть с тем фактом, что в этот же период заметно упали объемы импорта со стороны вполне дружественных нам стран – Вьетнама (14,4%), Китая (30,6%), Южной Кореи (53,4%)? И даже импорт из стран Евразийского экономического союза сократился на 37,7%. Эти факты свидетельствуют о том, что реальные причины сокращения

импорта в начале 2015 г. связаны не только и не столько с санкциями, сколько с экономическими проблемами – девальвацией рубля и падением платежеспособного спроса в российской экономике. Импорт не может сменить географию, гордо отказавшись от хорошо зарекомендовавших себя европейских брендов и перейти на другие страны. Обрушившийся рубль своими обломками накрыл этот сценарий.

Остается надежда на отечественных производителей. И действительно, в последнее время стали появляться новые предприятия по созданию молочных продуктов, новые отечественные молочные бренды (например, «Баба Валя»). Но рост собственного производства оказался скромным: за январь-октябрь 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года производство сливочного масла выросло на 3%, цельномолочной продукции – на 1%, сухой молочной продукции – наоборот, сократилось на 4%. Феноменально резко взлетело производство сыров и сырных продуктов, достигнув 580 тыс. т, что на 20% выше показателя годичной давности (табл. 7).

Таблица 7. Изменение объемов отечественного производства и импорта (январь-октябрь), тыс. т

Продукция	Импорт		Изменение объемов импорта, %	Изменение объемов собственного производства, %
	2014	2015		
Сливочное масло	125	77	- 38,5	+ 3
Сыр и сырные продукты	249	142	- 43	+ 20
Сухая молочная продукция	162	236	+ 45	- 4

Казалось бы, этому можно только радоваться. Однако возникает вопрос: как такое возможно, если продовольственное эмбарго не вызвало бурного роста производства сырого молока? Сам министр сельского хозяйства А. Ткачев признал, что в России не хватает стада в 1 млн коров. О скудности сырьевой базы говорит и то, что 2015 г. ознаменовался резким ростом импорта сухого молока, причем 97% его пришлось на Беларусь. Кроме того, проблемы экономики привели к снижению реальных доходов населения, в результате чего спрос на продовольствие смещается в нижний ценовой сегмент.

Что делать, если покупатель нищает, а сырье становится дефицитным и, стало быть, более дорогим? Ответ очевиден: снижать себестоимость, замещая молочные жиры растительными. Однако в борьбе за покупателя производитель проявляет скромность и не помещает на этикетку упоминание об этой новации. То есть производит фальсификат. Импорт пальмового масла за январь-октябрь 2015 г. вырос на 25%. Роспотребнадзор регулярно кого-то ловит, штрафует на 50 тыс. руб. и отпускает. Тем самым демонстрируется забота о населении, что немаловажно ввиду приближающихся выборов. Не более.

Вот как охарактеризовал ситуацию на рынке молочных продуктов предприниматель на специализированном сайте молочной отрасли: «Рентабельность производителей некачественных продуктов сумасшедшая. Те, кто делает натуральное масло, могут им только завидовать. А с сыром еще и другая проблема – там надо строить производство, вкладываться, инвестиции очень длинные. Так вот, наладить линию производства “бодяги” можно за три месяца, а чтобы построить нормальный завод по производству сыра, необходимо три года. В условиях экономической неопределенности мало кто видит смысл в это вкладываться. Сыром можно заниматься только ради идеи. У нас сыр пока продолжает “умирать”» [3]. Это публичное высказывание. Можно представить, как предприниматели оценивают ситуацию в кулуарах.

Продовольственное эмбарго обернулось радикальным ростом фальсификата на рынке молочных продуктов и нечестной конкуренцией против добросовестных производителей. Особенно часто подделывают масло и сыры. По данным Россельхознадзора, на молочном рынке страны доля фальсификата составляет около 25%, а в сегменте сыров – 78%. Правда, Национальный союз производителей молока «Союзмолоко» опровергает эту оценку, утверждая, что только четверть сыров на российских прилавках фальсифицирована. Но вряд ли это можно считать оптимистической оценкой. В связи с массовой фальсификацией молочных продуктов активно обсуждаются поправки в техническом регламенте, который действует на территории стран Таможенного союза, об обязательном требовании сообщать о наличии пальмового масла на лицевой

части этикетки. Беларусь уже заявила о согласии поддержать это требование. Ей это не страшно: сделав массивные вложения в молочную отрасль, страна имеет обширную сырьевую базу для производства качественных молочных продуктов. В отличие от России.

* * *

Итак, важнейшими итогами развития молочного рынка в 2015 г. следует признать:

- значительный рост фальсификата, особенно в сегменте сыров;
- существенный рост импорта сухого молока, преимущественно из Беларуси, как реакция на нехватку отечественного сырого молока;
- рост продуктивности молочного стада корпоративного сектора, что, несмотря на сокращение поголовья, ведет к росту производства сырого молока в сельскохозяйственных организациях;
- фокусирование государственной помощи на индустриальном производстве молока, что фактически означает ставку на крупных и крупнейших производителей.

Литература

1. Шагайда Н., Узун В. Продовольственная безопасность: проблема оценки // Вопросы экономики. – 2015. – № 5. – С. 63–78.
2. Фадеева О. «Дело было в Пенькове»: как агрохолдинги завоёвывают сельские районы Сибири // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 10; под ред. А. М. Никулина, М. Г. Пугачевой, Т. Шанина. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – С. 197–233.
3. URL: www.milknews.ru